

Ли Мюррей

Ловушка для
осьминога

18+

Ли Мюррей

Ловушка для осьминога

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ли Мюррей

Ловушка для осьминога / Ли Мюррей — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Рожденная под гнётом чувств повесть-монолог молодого дагестанского парня о любви к русской девушке, с которой он не может быть, о собственной противоречивой личности, переживаниях и взрослении.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Я девушку знал непростую,
Что выкрала душу мою,
Одолела меня вчистую
В неравном и быстром бою.

Со мною была только сила
Мужских неуклюжих рук,
А она улыбнулась мило,
Завладев моим сердцем вдруг.

Ее описать невозможно
Словами красивыми – нет,
Ее лишь почувствовать можно,
Как яркий солнечный свет.

Она как воды озерной прохлада
После жаркого длинного дня,
Как алое небо ночного заката,
Как тепло озорного огня.

Пылают карие глаза игриво,
В них искры, смех и радость,
Зеленые же смотрят молчаливо,
В них кроется печаль и слабость.

Она добра и ласкова душой,
Обидеть можно ненароком,
И я бываю сам не свой,
Когда с ней поступлю жестоко.

Я знаю, что за маской безразличия
Могучей необузданной грозы
Скрывается принцесса романтическая,
Что втайне плачет, не показав слезы.

Я знаю, что люблю ее печальной,
Задумчивой, веселой, злой,
Безумною и даже пьяной,
Я знаю, что люблю ее любой.

Посвящается той, которую любил.

Пролог

Я пишу, потому что должен. Сейчас это мой единственный путь к спасению от самого себя. Мне кажется, я схожу с ума, и мой рассудок меркнет. Мое сердце разрывается, и я не могу даже выдавить из себя улыбку родной матери, которую встречаю с работы. На улице жара, впервые за долгое время, мама жалуется, что устала и ей тяжело идти. Я замедляю шаг, останавливаюсь, чтобы мы постояли, и она немного передохнула. Я безэмоциональным монотонным голосом говорю, что ей нужно больше ходить на беговой дорожке, которая стоит у нас дома, и тренироваться, чтобы не уставать так быстро, что это будет полезно для ее здоровья. Я люблю свою мать больше кого бы то ни было, больше всего, что существует на этом свете, и, как бы это ни звучало банально, глупо и по-детски, как в дешевых фильмах со слабыми диалогами, я бы не задумываясь отдал свою жизнь ради нее, если бы понадобилось. Она мне дороже самого себя. Она видит, что мне плохо, чувствует... Мы с ней в этом похожи, мы чувствуем тонко, живем чувствами, все наши слова и действия исходят изнутри. Но я не могу с ней говорить. Сердце болит, а мысли лишь об одном. Мама назвала ее имя и спросила, не из-за нее ли мне плохо, а я ответил грубо, отмахнувшись, что нет, и если человек о чем-то не говорит, значит, не хочет этого делать, и не нужно насильно выуживать из него информацию. Зачем я был с ней так груб? Почему? Не знаю, но я определенно не в себе.

Я пишу эти строки, которые постепенно сложатся в историю, лишь для того чтобы не погибнуть во тьме, которая меня поглотила, чтобы погасить, пусть не полностью, пусть даже самую малость, ту боль, что терзает мое сердце. Мою душу словно вырвали из тела, разорвали в клочья и вновь вернули на место, еще живую, но бьющуюся в нескончаемой предсмертной агонии. Я как будто нахожусь в другом мире в абсолютном одиночестве, брожу в бесконечном темном лесу меж деревьев, что достают до небес и закрывают их могучими кронами, и я не знаю, что там, за густой изумрудной листвой, ночь или день, есть ли солнце на небе, есть ли луна или звезды, или нет ничего. Я иду в вечном мраке среди тысяч стволов никуда и ни за чем, иногда останавливаясь и задумываясь о том, что, кажется, уже проходил то или иное дерево. Затем я пожимаю плечами и продолжаю свой путь, которому нет конца.

О чувствах говорят, о чувствах и во имя их слагают песни, пишут картины, ваяют скульптуры, вкладывая в них все то, что испытывают внутри себя, оставляют в них свою душу, в каждом движении кисти, в каждом изгибе некогда твердого бесформенного камня, создавая шедевры настолько глубокие, что миллионы людей, глядя на них, чувствуют то же самое, что и автор, его боль и силу любви, которой он был одержим, видят целую историю так, как будто сами прошли сквозь нее. Разве это не прекрасно? Разве не прекрасно, что нечто неосознаваемое и, казалось бы, непередаваемое, может быть высечено из фрагмента горной породы или изображено на гибком холсте? Когда мы глядим на пустое полотно или необработанный камень, разве трогают они нас, разве видим мы в них что-то еще, кроме бездушных предметов, разве могут они вызвать у нас искреннюю слезу? Не видим, пока к ним не прикоснется рука, ведомая чистой любовью.

Я не живописец, не скульптор и не музыкант, но я владею словом так, как воин владеет мечом. Может быть, из меня никудышный воин, но отважный, ищущий битвы и не знающий страха перед лицом неизбежного. Подобно листьям, что покидают ветви деревьев и, подхваченные печальным осенним ветром, опадают на холодную тоскливую землю, слова срываются с моей души и сквозь кончики пальцев вырываются наружу, сливаясь в единое целое на виртуальной бумаге. Пусть же будут они моей исповедью, моей мелодией или песней, моей картиной или скульптурой. Я буду сбиваться и не попадать в ритм, буду терять голос и забывать слова, буду фальшивить, я буду наносить лишний мазок и ошибаться, моя рука может дрогнуть, но я буду продолжать писать, пока не закончу, пока не будет высказано каждое слово,

которое должно быть высказано. Судьба доказала мне, что настоящая любовь в чистом виде существует. Ей невозможно сопротивляться, она туманит рассудок, пьянит... И она заставляет страдать. Бьет, выбивая весь воздух из грудной клетки и не дает дышать, хватая за горло, вырывает и мнет сердце ледяной рукой.

Я расскажу вам свою историю, вновь преодолею уже пройденный путь из прошлого в настоящее с самого начала и до конца, и высшей наградой для меня будет, если вы тоже *почувствуете*.

Глава 1

Мне было семнадцать. Тощий черноволосый пацан, только что окончивший школу и поступивший в институт, выбранный по настоянию матери в последний момент, когда сроки уже поджимали, потому что сам я тогда не знал, чего хочу. Я думал, что хочу быть журналистом, но, знаете, тогда я был так робок и гибок, прямо как пластилин, и родители воспринимали мое стремление, как необдуманый романтический каприз. Мне внушили, что журналистика и не профессия вовсе, а так, фикция, к тому же в нашей стране это совсем недостойное, неблагодарное дело, и если мне захочется писать в будущем, то я смогу делать это и будучи специалистом в другой области, более востребованной. Посмотри, говорили они назидательным тоном, указывая на очередного популярного ведущего какой-нибудь политической телепрограммы, вот видишь, чего он добился, а вот он закончил технический вуз. Разумеется, после тысячи неудачных попыток я уже даже не пытался объяснить, что писать и вести передачу на телевизионном канале не одно и то же, но кому это было интересно? Таким образом, следуя родительским наставлениям и под их напором я поступил на факультет международного права престижного, но не слишком известного московского института с весьма богатой историей. Для матери основным аргументом в его пользу послужили «сильные языки», и она не прогадала. Английский язык там преподают отменно, даже самый яркий ненавистник сего учебного заведения не посмеет спорить с данным фактом. И уголовное право, между прочим, тоже.

Перед тем как мы пустимся в дебри моих студенческих лет, я позволю себе вернуться на шаг назад во времени, в выпускные школьные годы, чтобы немного пролить свет на собственную личность. В старших классах я был тихим, достаточно замкнутым, стеснительным парнем, зачастую сидевшим в одиночестве за одной из последних парт. Во всей школе у меня был только один настоящий друг, с которым мы вместе занимались смешанными единоборствами в местном зале на районе, но он, в отличие от меня, находил язык со всеми и общался со многими ребятами, поэтому мы не были все время вместе, и «мы с Тamarой ходим парой» было точно не про нас. С девчонками у меня не складывалось, они мной не интересовались, а бегать за ними с высунутым языком я желанием не горел. Я увлекался компьютерными играми и много времени проводил за книгами, пропадая в вымышленных мирах, которые мне казались в тысячу раз прекраснее и интереснее мира реального. В общем, выходило так, что популярным парнем я не был и у меня не было своей компании, поэтому, находясь в школе, я обычно пребывал в роли молчаливого стороннего наблюдателя. Я проводил внутри себя непрерывный всесторонний анализ поведения, разговоров, поступков, характеров, принципов, интересов, приоритетов моих одноклассников и ребят-ровесников из параллельных классов. Мои наблюдения впоследствии развили во мне чутье и своеобразное интуитивное восприятие других людей, я научился в них неплохо разбираться, видеть насквозь если не с первого взгляда, то через короткий период времени общения и взаимодействия, подмечая различные мелкие детали, слова, казалось бы, незначительные, запоминая их и сопоставляя с чем-то, на что обратил внимание позднее. Научился соблюдать дистанцию и не подпускать к себе, если не хотел. Во мне как будто проявился какой-то психологический подсознательный инстинкт. Я научился чувствовать других людей. Человек, никогда не наблюдавший со стороны, просто не обращает внимания на многие мелочи, крупички, из которых складывается личность, именно поэтому люди так часто становятся близки, толком ничего не зная друг о друге, а потом пребывая в удивлении и шоке от человека, которому доверились, хотя все можно было предвидеть заранее при должной внимательности и осмоторительности. Люди не распознают друг в друге неискренность, ложь, подлость, жестокость, зависть, они просто не видят их, не умеют видеть, а еще они часто сами такие. Каждый стремится спрятать как можно глубже внутри то черное, что таится в душе, никто не хочет выставлять напоказ свои недостатки и слабости, никто не хочет быть честным.

Люди не хотят быть искренними, они хотят, чтобы их витрина была самой чистой, ухоженной и красивой, чтобы на нее обращали внимание, а что внутри – не важно. Люди любят эти витрины и берут с витрин, им этого достаточно до того момента, пока не провалятся под сгнивший фундамент, и тогда они начинают причитать, хотя сами ничем не лучше, просто они попались первыми.

Помню, как впервые вошел в метро, чтобы добраться до института – я стоял на платформе своей станции, ждал поезда, а в мыслях все крутилась одна навязчивая мысль – неужели мне придется делать это изо дня в день долгих четыре года, вставая в гребаные шесть утра, пилить пешком до метро, потом садиться в переполненный поезд с кучей отвратительных людей, готовых сожрать друг друга, готовых раздавить каждого на своем пути, лишь бы втиснуться в проклятый поезд, потому что они не могут подождать две лишние минуты, иначе их ждет... Что ждет? Что, неужели какой-то урод-начальник или невменяемый преподаватель стоят того, чтобы терять человеческий облик, неужели их недовольство и негодование страшнее той жизни, которой они живут? Жалкой, никчемной жизни. А ведь всего-то нужно уметь уступить другому человеку, подождать две минуты, пропустить один поезд, чтобы не быть мерзкой скотиной, проживающей такую же мерзкую жизнь. Не раз я наблюдал, как взрослые мужики начинали ссору из-за того, что один нечаянно задел или толкнул другого. Скажите, насколько нужно быть кретином, чтобы устраивать истерику из-за такой мелочи, когда в вагоне все стоит впритык, ни шагу не сделать в сторону? Очевидно, что в таких условиях кто-то кого-то обязательно толкнет, совершенно случайно, без злого умысла. Это равносильно тому, чтобы разозлиться на младенца, только вставшего на ноги, за то, что он вдруг упал, пройдя пару шагов, то же самое, что злиться на плохую погоду или... В общем, есть вещи, которые просто случаются, нам их не изменить, не миновать, остается лишь принять их достойно, это касается не только мелочей, что я перечислил выше, это касается всего, абсолютно всего, ведь подумайте, если человек готов наорать или ударить другого за случайный толчок, то что он сделает, если дело будет касаться чего-то более серьезного, на какую низость он будет готов пойти? Однажды я наткнулся на следующие слова: «Знай, то, что миновало тебя, и не должно было с тобой случиться, а то, что случилось с тобой, не должно было тебя миновать». Мне стало намного легче воспринимать все то плохое, что происходит со мной, пропуская события собственной жизни сквозь эти слова. Я и сам порой проявляю нетерпение, вспыльчивость, иду на поводу у своего характера, я далеко не святой и никогда таким не был. Иногда мне кажется, что я хуже некоторых людей, потому что чувствую свое превосходство над ними – но я не должен этого делать, никто не должен. Сильный не имеет права испытывать надменность перед слабым, умный перед глупым, президент перед обыкновенным трудягой. Все мы люди и все равны меж собой, нас должны определять лишь достоинство наших действий и совершаемых нами поступков.

В первый день всех новоиспеченных студентов собрали в просторном актовом зале академического корпуса, который был забит до отказа, многим пришлось стоять. Нас поприветствовали, а затем предоставили слово заведующим кафедрами иностранных языков, которые поочередно выступали каждый от лица своей кафедры, призывая «новобранцев» присоединиться к ним и рассказывали, почему стоит выбрать именно их. Первокурсники должны были сделать выбор в пользу только одного иностранного языка, с которого начнется их обучение в вузе и которому им придется уделять больше всего внимания до самых выпускных экзаменов. Из всех выступавших более всего мне запомнилась речь улыбчивой женщины, которая руководила кафедрой французского языка. Вместо длинной монотонной череды похвал в адрес собственной кафедры и перечисления преимуществ изучения французского по сравнению с другими языками, она честно призналась, что долго говорить и нахваливать свою кафедру не намерена, потому что все итак знают, что французская кафедра самая лучшая. В очередной раз

одарив всех лучезарной улыбкой, эта прекрасная женщина гордой походкой удалилась, покорила меня своей скромностью, но я все-таки выбрал английский язык.

Я скользил взглядом по всему помещению, по лицам, рассматривая тех, с кем мне предстояло учиться, и чувствовал себя каким-то одиноким в этой огромной толпе, как будто не в своей тарелке, все казалось мне нереальным, неправильным, мои ровесники казались какими-то другими, совсем не такими, как я. Чтобы отвлечься от собственных мыслей, я стал высматривать симпатичных девушек и отмечать их про себя, гадая, сколько из них окажется потом со мной в одной группе. Как выяснилось позднее, ни одной. С таким везением играть в русскую рулетку определенно не стоит.

Две недели я знакомился со всеми подряд, со своей группой, с ребятами из параллели, но ни в ком не видел человека, с кем мог бы дружить. До определенного момента, пока не наткнулся на индивидуума, действительно близкого мне по духу. Две первых недели мы не пересекались, так как он не посещал занятия по какой-то дурацкой причине, что, впрочем, абсолютно не важно, ведь в конце концов мы все-таки встретились. Интуиция меня не подвела, и этот парень стал мне другом, с которым мы впоследствии прошли четыре года учебы бок о бок, как братья по оружию проходят войну, и остались друзьями после. Мы сошлись во многом, нам было комфортно вместе. Он приучил меня слушать музыку, которую я до этого не слушал совсем, даже не знаю, почему; мы обсуждали компьютерные игры, фильмы, девушек обсуждали, мы были очень похожи. В первый учебный год наша компания состояла лишь из нас двоих, и мы везде ходили вдвоем: учились в одной группе, помогая друг другу на занятиях, вместе тягали железо в институтском тренажерном зале, хотя тогда я только открыл для себя железный спорт и слово «тягали» слишком громко сказано. Мой друг кое-что понимал в тренажерном зале и был для меня, тощего дилетанта, настоящим искушенным senseem, объяснявшим мне необходимость и правильность выполнения различных упражнений. Мы оба сильно увлеклись идеей наращивания мышечной массы и усердно тренировались, мотивируя друг друга, ели больше, чем нужно, впихивали в себя еду, когда уже не хотелось, лишь бы впитать как можно больше белка. Отчего-то мы были уверены, что накаченные мышцы мигом привлекут к нам внимание самых сексуальных и привлекательных девушек – никогда я так не ошибался. Годы спустя я посмеиваюсь над тем пацаном, которым был когда-то, с его глупыми стремлениями, желаниями и образом мыслей. Кроме качалки у нас была и другая страсть: мой друг посадил меня на одну известную компьютерную игру, в которой мы убили немало драгоценных часов своей жизни. Потом я посадил его на другую, тоже очень известную игру. И знаете, я не жалею об этом. Я мыслил по-другому. Если бы я убивал свое время таким путем сейчас, то, несомненно, разочаровался бы в себе, но тогда я еще был ребенком, игрушки доставляли мне удовольствие. Сейчас, конечно, они оставляют лишь чувство неудовлетворенности, опустошенности и сожаления о потраченном впустую времени. По окончании пар в конце дня мы сразу разъезжались по домам – мы были совсем домашними мальчиками.

В институте я стал намного увереннее в общении со сверстниками, никого и ничего не стеснялся, меня уже нельзя было назвать молчаливым обитателем задних рядов, и уж если я сидел сзади, то не один и точно не молчал, болтая с кем-то, а если молчал, то потому что был занят делом. Я отбросил все то, что на протяжении многих лет меня отличало от других, решив стать таким же, как все, перенять и впитать их интересы и образ мыслей. Со мной стали происходить, на первый взгляд, положительные изменения, которые на самом деле вылились в низменные пристрастия – дома я зависал в компьютерных играх и социальных сетях, смотрел сериалы. Я совсем позабыл о книгах, они вдруг перестали быть значимой частью моей жизни, я отбросил их, как что-то ненужное, как пережиток юных лет, который в дальнейшей жизни мне не понадобится. Я думал лишь о мышцах, девушках, деньгах, автомобилях, думал об успехе. Мы с моим другом мыслили одинаково, мы расставили себе приоритеты и стремились к ним.

Другой вопрос – что это были за приоритеты, что это были за дурацкие стремления? Но мы были лишь мальчиками.

Я уделял внимание институтским предметам, коих было несметное количество, лишь в той мере, которой было достаточно, чтобы их сдать. Поначалу я переживал за оценки, первые два курса, но потом осознал, насколько это бессмысленно – нервничать и размениваться здоровьем из-за жалких цифр на бумаге, которые, по большому счету, не имеют того значения, которое им придают наши родители, преподаватели. И я всегда усердно трудился, если предмет мне был интересен, и если я верил, что он будет мне полезен в будущем, то есть я смогу применить его на практике. А пустая беготня за оценками... Увольте, это омерзительно. Все эти подпевалы и подлизы с передних рядов парт, поддакивающие преподавателям, словно ручные попугайчики, вы не представляете, как я их презирал. В погоне за баллами, цифрами, выведенными синими чернилами в журнале, они были готовы сожрать друг друга, подставить, готовы были унижаться и выглядеть, как нищие цыганские попрошайки, тянущие свои ненасытные ручонки к очередному баллу. Всякий раз я испытывал испанский стыд, глядя на них, настолько это жалкое зрелище.

В общении с девушками я все еще был скован воспитанием и стеснительностью, но по сравнению с школьными годами стал более раскрепощенным – по крайней мере, я с ними заговаривал, а это, уж поверьте, был поистине гигантский прогресс. Я все еще был робок, все еще видел в этих милостивых существах нечто возвышенное – как же я ошибался, глупый мальчик! На первом курсе мне понравилась одна девушка, которую я впервые увидел перед самой первой парой физической культуры, мы тогда познакомились с нашим преподавателем из тренажерного зала в общем фойе у ресепшена. Она сидела за столиком в белоснежном коротком платьице и была так улыбочива, у нее был такой звонкий резкий голос. Она мне тогда показалась писаной красавицей. Я написал ей в социальной сети, но наткнулся на холодное игнорирование, которого сразу не распознал в силу своей абсолютной неопытности – она не хотела общаться со мной. А через какое-то время мне написал ее «парень» или не знаю, кем это чучело ей приходилось, она ни словом не обмолвилась о его существовании, когда односложно отвечала на мои вопросы и попытки развязать беседу. Паренек в переписке вел себя дерзко, как спартанский воин, до того момента, пока я не предложил ему приехать и разобраться лицом к лицу. Он тут же сбавил обороты и переключился на заднюю передачу и больше никогда меня не беспокоил. А я лишь остался в недоумении и подумал, что это к лучшему – незачем мне такие дуры.

Вторая девушка, которая мне приглянулась, была обладательницей светлых волос и грубых черт лица, отнюдь не делавших ее уродливой – наоборот, они делали ее какой-то... Интересной. К тому же, у нее была хорошая фигура и красивая грудь, но голос... Голос, как у спившегося бэтмена, который к тому же курит сигареты с шести лет. А еще она растягивала слова. Как вспомню, дрожь берет. Думаю, шанс быть убитым сердечным приступом у ее будущего мужа повысится в разы, если по утрам она будет будить его таким голосом. Могу ему только искренне посочувствовать и посоветовать ставить будильник погромче и обязательно просыпаться раньше нее. Лично я жениться на ней точно не собирался и я, определенно, всегда был великодушен, поэтому готов был простить ей этот недостаток, вспоминая, как симпатично она выглядит в кофточках с вырезом. Она проявила ко мне легкий интерес и как-то непрозрачно намекнула на то, что не отказалась бы от цветов. Человек, обладающий хоть каплей интеллекта, распознал бы в ней наглую манипуляторшу с первой подачи, но не я и не мой друг. Не подумайте, я ни в коем случае не какой-то озлобленный мудака, которому нравится издеваться над людьми, просто я люблю жестко пошутить, особенно если шутка коррелирует с правдой. Не знаю, увидит ли она когда-либо эти строки, узнает ли себя в них, но даже если да, как думаете, что я скажу ей? Меняться никогда не поздно! В итоге мой друг, как верный оруженосец, посоветовал притащить ей букетик, вместо того чтобы послать к черту на рога. Он считал себя гуру во всех областях и в женщинах в том числе. Он полагал, что, если следовать его советам,

затащить в постель по щелчку можно хоть всех голливудских звезд одновременно. Женщин, разумеется. И знаете, что? Его чертовы советы никогда не работали, ни одного гребаного раза! Но он с этим не был согласен и все убеждал меня, что в провале виноват я – план-то гениальный, а вот исполнитель так себе. Вот тут ты неправильно сделал, говорил он, из-за этого все коту под хвост. В общем, принес я ей этот жалкий букет роз, потратил свои немногочисленные карманные деньги, время, подарил, а потом ретировался. Я пробовал с ней общаться дальше, но это было равносильно тому, что говорить с бревном – я, конечно, не пробовал такой экзотики, но не удивлюсь, если разговор с ним окажется интереснее. Знаете, я не был разочарован – когда тебя не связывают с человеком чувства, тебе все равно, исчезнет он из твоей жизни или нет, особенно если это девушка с повадками мытищинского гопника, с чьих громко заданных вопросов на лекциях вся аудитория взрывалась дружным хохотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.